

Аск

ТЕТРАДЬ

для Панченко Юлия

Дмитриевна

учени класса

9 класс школы

город Москва

№ 3205

51879

Задание 54.

(оформилю в виде письма в редакцию электронной филологической библиотеки, опуская приветствие, адреса, даты и т.п.)

Я бы посоветовала включить в электронную библиотеку олимпиадная книга М.Ю. Лотмана "Пушкин". Мне кажется, эта книга должна быть включена в библиотеку одной из первых, так как изучение творчества Пушкина — одна из важнейших тем в школьной литературной программе (обычно под него выделают целый год), и здесь уместнее всего, на мой взгляд, опираться именно на труд Лотмана.

Книга представляет собой подробное изложение биографии великого поэта от первых лет детства и до смерти. Ее объем достаточно большой, и в этом есть свои минусы и плюсы. Безусловным плюсом является полнота изложения информации. Прочтение книги будет способствовать созданию у читателя целостного представления о творчестве Пушкина, школьник получит широкие знания, которые легко сможет употребить. Минус большого объема очевиден: текст невозможно перечитать за один вечер перед олимпиадой, на его прочтение потребуется несколько

51879

дней. Надо заметить, что книга гораздо тоньше, например, неподъемного томишкового "Пушкина", и в ситуации выбора между этими трудами Лотмана и Твиенова, школьнику удобнее выбрать Лотмана.

Справиться с такой трудностью, как большой объем, можно всегда. Во время чтения Лотмана лучше всего выписывать основные мысли и составлять краткий конспект. Так информация лучше запомнится, и будет проще ее потом повторить. Само устройство книги располагает к составлению конспектов. Текст разделен на главы в соответствии с периодами жизни и творчества поэта: музейский период, южный период, Михайловский... Таким образом, структура книги логична и удобна, в сознании школьника не образуется никакой путаницы (с датами, местами, лицами...).

Еще один крупный минус - недостаточная объективность. Пусть все события изложено точно, но вот в их оценке Лотман может ошибаться.

Так, достаточно спорным является описание душевного конфликта ~~внутреннего~~ внутреннего конфликта Пушкина, связанного с увлечением романтизмом. Один литературовед, подробно изучавший и Пушкина,

и Лотмана, сказал мне, что Лотман ^{присваивает} ~~владает~~ Александру Сергеевичу свои собственные мысли, возможно, даже это искренне и неосознанно. В такой сомнительности ^{одной} есть и ~~также~~ положительная сторона:

книга научит ученика самостоятельно думать, делать собственные выводы и ставить под сомнение даже авторитетное мнение, что, безусловно, важно и на олимпиаде, и в жизни.

При этом Лотман действительно остается авторитетом. На него можно ссылаться, и это не будет ошибкой, наоборот, даже в случае спорного суждения. Отсылки к мнениям исследователей приветствуются на олимпиаде, а Лотман является одним из крупнейших русских литературоведов, и его обязательно нужно знать и читать.

Тем более, читать Лотт его достаточно легко. "Пушкин" написан несложным, внятным языком. Текст не перегружен терминами, лингвистическими и литературоведческими понятиями, и будет ясен любому школьнику.

~~Даже~~ Труд, конечно, нельзя назвать "увлекательным чтением" (в том смысле, в каком обычно употребляется ^{фраза} ~~эта фраза~~), но, по-моему, увлеченному литературой человеку он будет интересен и несколько не скучен. Веро

интересно не только и сами по себе события в жизни
великого поэта, и то, как мы видим их через
призму взгляда великого ученого. Жаль, что книга
(по крайней мере, ее электронный вариант) не
сопровождена рисунками. Они помогли бы школьнику
проувствовать атмосферу пушкинского времени,
дополнить лица знаменитых друзей поэта...

В электронном варианте книги обогато
присутствуют не только биография поэта,
но и анализ нескольких пушкинских стихов,
сделанные Лотманом. Они могут служить школьнику
образцом для подражания. Кроме того, элементы
анализа некоторых произведений вплетены в
соответствующие главы биографии. После прочтения
Лотмана школьник сможет понимать стихи в контексте
жизни и творчества поэта.

В одной книге с "Пушкином" обычно находится
и другая ^{работа} исследование Лотмана - "Комментарий к
"Евгению Онегину"" - важнейшее и необходимое
в изучении романа исследование.

Мне кажется, "Комментарий" и "Пушкин" должны
быть непременно помещены в электронную библиотеку
олимпиадника и занимать в ней одну из первых строчек.

Задание №2.

"И долго буру тем побежен я народу..."

не только поэту

Образ Пушкина - один из "бродячих сюжетов" в литературе. Он стал тем-то вроде знаковых образов моря, цветка, весны, неба... Пушкин уже не просто человек, не просто поэт, а символ.

Как человек, Пушкин мог появляться в стихотворениях своих современников. Как символ - в поэзии XX века, спустя век и больше после своей смерти. Стихотворения XX века стали своеобразными "литературными зеркалами", в которых отразился великий поэт - зачастую совершенно не таким, каким он был в жизни.

Попробуем рассмотреть отражение Пушкина в пяти "литературных зеркалах": "Мгались звёзды" Пастернака, "О Пушкине" Багрицкого, "Борисская^{ая} осень"^в Саломойлова, "Когда я размышляю о поэзии" Дмитрия Пригова и стихотворении Марины Бородицкой "Мне Пушкин обещал".

В хронологическом порядке первым идёт стихотворение Пастернака. Сам Пушкин в нём даже не упоминается, а говорится лишь о гербовке "Пророка" - лучшего стихотворения поэта. ^{У Пастернака} ~~В этом стихотворении~~ заметно трепетное

отношение к великому поэту, как будто страшно даже упомянуть его имя. Терновик стихотворения поставлен в один ряд с пейзажами невероятной красоты, "собранными" со всех стран мира, и это означает, что масштаб, значение этого места бунами видится Пастернаку огромным. Такое почти преклонение перед Пушкиным, характерно не только для некоторых поэтов, но и для множества обывателей, для которых имя великого поэта является ~~зубом~~^{неприкосновенным} ~~и не сдвигаемым~~. Позже появятся и те, кто будет восхвалять эту трезвость по-родному и по-зному.

Кажется, что и в стихотворении Багрицкого есть такое же отношение к поэту. Только у него оно напоминает слепое, восторженное обожание. Эдгард Багрицкий вообще склонен писать о героическом (стихотворение "Смерть пионерки"), и в Пушкине тоже ищет героя, пишет героя романтического, каковым Пушкин в 37-ом году не являлся и равно уже не хотел быть. Здесь, в стихотворении, Пушкин похож на Ленского, героя своего "Евгения Онегина", а в жизни он был скорее его противоположностью. Смерть Пушкина - героическая смерть, здесь и

"безжалостный свинец", и парение (вспоминается смерть Кирибеевича), и ~~безжалостный~~ жестокий "наемник" Дантес, показанный, как и полагается, законченным уродом... На фоне жалости явно рассчитаны слова о ~~этой~~ "медовых медах" Гонимаровой, хотя опытные исследователи наверняка посмотрят на описанную сцену критически. Усугубляет положение обилие трагических многоотий. Вообще, ~~стихотворение~~ стихотворение напоминает донцовский орфейзм, и притом только своей наивностью. Нет никакой необходимости пытаться воззвать жалость к Пушкину, как к сильной и достойной личности. Между прочим, хотя Багряцкий обоим Пушкина и хвалит места, пушкинских трепетности у него нет. Герой стихотворения "проис поэта через Урал" и "матался с ним по окопам" — где же, тут трепет, когда боимся назвать его имя? В конце стихотворения обет критик "я" героя, и ~~снова~~ снова вспоминается "безнадежной эгоизм" Ленокса.

В стихотворении Давида Самойлова "Болдинская осень" автор еще сильнее, а его обращение к Пушкиным еще вольнее и свободнее. Трудно уловить, когда он говорит с неподдельным восхищением, а когда с иронией — поэтому ~~стихотворение~~ ^{произведение} глубже и

сложнее стихотворение Багрицкого. Но его слог "Ей-богу, Пушкин!" — это уже отражение уветаевского "Мой Пушкин", это перешагивание через границу неприкосновенного и переход к прямому, свободному диалогу с поэтом. Свободны оба, и ключевое "ты свободен" в конце даже выделено тире — самым сильным знаком. И всё же, отношение к Пушкину в таком диалоге кажется мне куда более трепетным, чем обожание Багрицкого: здесь хотя бы не искажается так сильно истинный облик поэта.

Верх "дерзости" — это стихотворение Пригова. Это уже не "мой Пушкин", это "я — Пушкин" (как Пустошка Г.М. Олди: "Это — я, и то — я, и это тоже я..."). Стихотворение не наивно, но оно саркастично, автор нарочно пишет ломаным ритмом, как бы цураваясь над совершенным пушкинским стихом и над читательским вкусом. А разве нет иронии в том, что, говоря "я Пушкин", герой как раз-таки посягает на его имя?

Между тем, в стихотворении Пригова (а мы дошли от 1918 к 1979 году) уже почти не осталось подлинного Пушкина. Поэты как будто передают

друг другу эстафетную палочку, и в конце эстафеты остается только имя - пустой звук... Каждый поэт обладает своим, уникальным взглядом, и через призму этих взглядов, как через цепь кривых зеркал, мы уже не видим Пушкина - настоящего. Один видит в нем идеал, другой - мученика, третий - друга и собеседника...

Марина Бородицкая, например, говорит об обещаниях Пушкина, якобы данных ей лично и всей стране.

И, вероятно, приводит стихотворение к какому-то ~~гражданскому поэту~~ задавая ~~гражданской поэзии~~, не зря же тут "одошки самовластья" (~~Губатцев~~ ~~свод с повестями Багрицкого~~). Стихотворение пронизано досадой, обидой, оно серьезно и, как мне кажется, довольно глупо. Это попытка использовать Пушкина в своих целях, от которой имя "затаскивается".

Мне кажется, стихотворения Пастернака и Симонова можно отнести к высокой поэзии, в них видно и "я" автора (не критическое), его ~~уникальное~~ своеобразие и интересность, и настоящего Пушкина.

А остальные ^{три} стихотворения можно отнести к примерам неудачного использования имени поэта, ~~в зеркалах~~ "кривого зеркала".

Как мне кажется, и знаю еще несколько
удачных примеров.

Например, в стихотворении Владимира
Маяковского "Я и Александр Сергеевич", Маяковский
ведет очень дерзкий и самоуверенный диалог с
поэтом. Конечно, настоящего Пушкина там мало,
зато там есть настоящий Маяковский, которого
без такой наглости представить трудно. Маяковский
особенный, и в этом стихотворении это хорошо
видно. И, когда он ^{утверждает} ~~говорит~~, что его пенни равен
пенни Пушкина, — ~~я признаю ему это, потому что~~
~~такова ситуация.~~ я готова ему это простить.

Но, вероятно, готовы не все — это зависит
от личной читательской оценки творчества одного
и другого. Дерзость Маяковского напоминает
мне дерзость Пригова, но ослепленную
и в более удачном воплощении.

А пастернаковскую трепетность мне
напоминает "Игра" Ахмадулиной, хотя она
написана спустя 60 лет после Пастернака.

Там ~~Ахмат~~ поэт тоже не назван по имени,
зато есть "Ты" с большой буквы. Это наиболее
удачное соединение трепетного восхищения и

свободного диалога.

Еще один пример трепетного отношения — стихотворение современного поэта Михаила Кукина "Умереть, не побывав в Париже". В нем есть такие строки:

Александр Сергеевич, мне стыдно,
Что я был в Париже, а Вы нет...

От Цветаевой до Пригова, от Пастернака до Кукина наблюдается преемственность в отношении к Пушкину. В каждом зеркале он отражается по-разному, ведь по-разному видит его каждый поэт. Едва ли все эти отражения можно собрать в один целостный образ. Зато их очень интересно изучать и сравнивать, тем более, что цепь кривых и ровных зеркал никогда не прервется: образ Пушкина будет появляться в поэзии всегда, пока мы читаем и любим великого поэта.

I
к-1 - 5
к-2 - 14
к-3 - 5

24

II
к1 - 18
к2 - 3
к3 - 5
к4 - 4
к5 - 5
к6 - 5

44

三

Достоинство Квасар книги, хотя
спорными представляется некото-
рое аргументы, стили совет-
ствует не ставшему жаром, одна-
ко ввиду ли отбелки книги является
критерием, вносящим ее в
Экстремную 5-ку.

U.

автор верно понял Зарана,
попытавшись воспринять хорово-
доческую интонацию еще слабее,
указав на ее действительность. Всецел-
ная Рушикина карнавальная поэ-
ма в разное время. Некото-
рая уверенность оригинальности,
но достаточно спорна.

СЗ (Казакович)

$\mathbb{R}$ (Zahlen)